

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

На полуслове: Ближний Восток к началу второй четверти XXI века

Виталий Наумкин,
Василий Кузнецов

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Февраль 2026

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-57-2

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2026

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

В.В. Наумкин

Академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН, декан Восточного факультета ГАУГН

В.А. Кузнецов

Доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, профессор Восточного факультета ГАУГН

Содержание

- 4 Рустам, Давид и дядя Сэм
 Рустам
 Давид
 Дядя Сэм
- 10 Сирия: устоит ли дом,
 разделившийся в себе?
- 14 Газа: иллюзия будущего
- 19 Йемен: не столь счастливая Аравия
- 25 Итого: в чём сила, брат?

Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас было всё впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю, – словом, время это было очень похоже на нынешнее, и самые горластые его представители уже и тогда требовали, чтобы о нём – будь то в хорошем или в дурном смысле – говорили не иначе как в превосходной степени.

Чарльз Диккенс. Повесть о двух городах

2025 год стал странным временем для Ближнего Востока. В зависимости от того, кто возьмётся его описывать, его можно назвать годом крушения надежд или новой надежды, умиротворения или войн, триумфов или поражений. Наконец, годом, когда всё изменилось, или годом, когда не изменилось ничего.

С уверенностью, пожалуй, можно сказать только, что ни одно из масштабных событий, потрясших в этот период регион и мир, не стало ни началом чего-то нового, ни окончанием старого. Ни один из процессов не был завершён, и год закончился на полуслове.

На полуслове начался и следующий, 2026 год.

В начале января, когда пишутся эти строки, события на Ближнем Востоке, и без того вечно беспокойном, развиваются столь быстро, что возможно лишь рассмотреть некоторые уже наметившиеся тренды ребалансировки международных отношений в регионе, осторожно предположив возможные линии последующих изменений.

Как представляется, они могут происходить в четырёх основных узлах: ирано-израильском, сирийском, палестинском и йеменском.

Рустам¹, Давид и дядя Сэм

Одним из самых странных событий минувшего года стала так называемая Двенадцатидневная война – военный конфликт, в котором участвовали три страны. Каждая в итоге заявила о собственной большой победе, и во всех трёх случаях небезосновательно. Естественно, с тем же успехом можно сказать, что все три страны потерпели в нём сокрушительное поражение.

Рустам

Стойкость в трудности – признак мужества; лёгкая доля – удел тех, кто не выдерживает испытаний.

Мохаммед Таги Бахар (1886–1951)

В ходе конфликта Тегеран продемонстрировал способность противостоять более мощному в технологическом отношении противнику, высокую степень административно-политической институционализации (ликвидация отдельных представителей руководства страны не повлияла на работу системы), относительное умение отвечать на военные удары и готовность к быстрому восстановлению после окончания боевых действий. Проявленный в ходе конфликта нейтралитет арабских государств указывает на общую успешность политики последних лет по нормализации отношений в зоне Залива.

Вместе с тем выявились и существенные проблемы, прежде всего на внутреннем контуре.

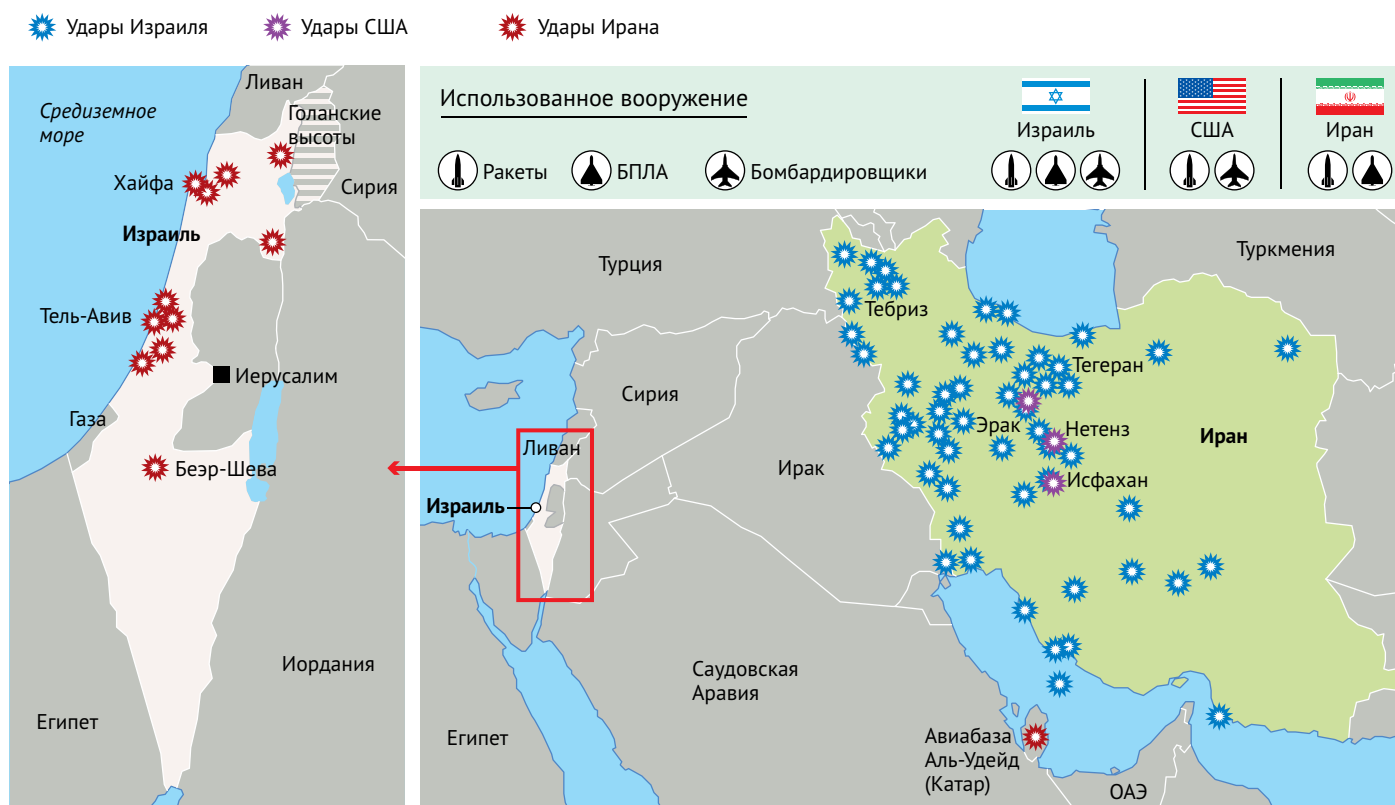
Вполне естественная консолидация общества вокруг действующей власти в момент боестолкновений не отменяет глубоких расколов, характерных для иранского социума.

Они формируются по трём основным линиям.

В первую очередь это те же, во многом ценностные, противоречия между традиционной и модернизированной частями общества, что привели в своё время к кризису монархического режима и дали импульс Исламской

¹ Легендарный герой персидского эпоса Шахнаме, богатырь, противостоявший Турану и его повелителю Афрасиябу.

ВОЕННЫЕ КАМПАНИИ 12-ДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

революции. Подобная устойчивость внутреннего разделения иранского общества (часто встречающаяся в мире) будет сообщать уязвимость любой политической системе, однако не может сама по себе считаться фатальной. О стремлении снизить текущую остроту противоречий свидетельствует стратегия правительства летом и осенью, сочетавшая репрессивные и либеральные меры, с одной стороны, и попытки консолидации общества на националистической платформе, с другой.

Но сегодня это традиционное для Ирана общественное разделение накладывается на экономическое расслоение.

Экономические трудности, во многом вызванные санкционным режимом, проявлялись на протяжении последних лет в высокой инфляции, приводившей к массовому обнищанию, экономической экспансии акторов, связанных с КСИР, росту коррупции. Они прямо сказались не только на уровне жизни иранцев, но и на потенциале государства по удовлетворению базовых потребностей населения в обеспечении его водой и электроэнергией. Кроме того, пострадала и способность страны к эффективной самообороне.

В совокупности всё это привело к падению доверия общества к власти. Если непосредственно в момент военной эскалации общество и было готово консолидироваться вокруг политического руководства, то уже через полгода импульс в значительной мере иссяк, а очень масштабные протесты в декабре–январе продемонстрировали всю остроту сложившейся ситуации.

Дополнительную напряжённость в протестные движения привносит этноконфессиональный фактор. Состав иранского общества, значительную долю которого составляют меньшинства, в последние годы ещё более усложнился – как из-за демографических процессов, так и из-за масштабной миграции. Летом и осенью 2025 года были отдельные протестные движения в регионах компактного проживания этнических меньшинств. Эти же регионы стали центрами распространения протестной волны, накрывшей страну зимой 2025–2026 годов.

Откровенная поддержка вспыхнувших протестов извне, со стороны не только оппозиционно настроенной к иранскому руководству диаспоры, но и прямых противников Исламской Республики, активно используется иранским руководством для консолидации лояльных ему частей общества.

Но вне зависимости от любых внешних факторов объективное существование указанных общественных расколов создаёт ситуацию, требующую от иранского руководства принятия системных мер, и начать следует, по всей видимости, с экономической политики.

Ожидать снижения внешнего давления на руководство страны даже после спада протестной волны, видимо, не приходится. Новые раунды эскалации очень вероятны. Одновременно с этим на внешнем контуре война выявила существенное технологическое отставание Ирана от противников. Необходимость его преодоления вместе с настоятельной потребностью улучшить экономическую ситуацию внутри страны, вероятно, будет подталкивать Исламскую Республику к более тесному взаимодействию по военно- и научно-технологическим линиям с государствами-партнёрами, прежде всего с Россией и Китаем.

Открытым остался вопрос о будущем ядерной программы Ирана. Американско-израильский курс на принуждение к отказу от неё при помощи военного давления не может считаться однозначно успешным. Однако осуществление любой возможной новой стратегии Тегерана, направленной как на возобновление программы, так и на отказ от неё, будет сопряжено с более высокими, нежели ранее, рисками, что также свидетельствует о необходимости укрепления Ираном отношений с его партнёрами.

Наконец, довольно эффективные, по крайней мере в краткосрочной перспективе, удары Израиля по региональным союзникам Ирана, в том числе по «Хизбалле» и ХАМАС, в совокупности с установлением на территории Сирии антииранского политического режима повлекли за собой уменьшение регионального влияния Тегерана и сокращение внешнеполитического инструментария, которым он может распоряжаться. В то же время сама сущность концепции *веляят-е факих*, лежащей в основе современной иранской государственности, требует от неё покровительства шиитским общинам. Каким образом это противоречие между реально сократившимися возможностями и религиозно-идеологическими императивами будет разрешаться, пока непонятно.

Давид

...Человек слабее мухи и крепче железа...

...Разум и раскаяние – обе эти вещи всегда приходят слишком поздно.

Шолом-Алейхем (1859–1916)

Израиль продемонстрировал серьёзное военно-техническое превосходство и заявил о претензиях на роль регионального военного гегемона – об этом свидетельствуют не только атака на Иран или удары по лидерам ХАМАС в Катаре, но и осуществление в течение одного года военных кампаний против ещё нескольких арабских стран, включая Ливан и Сирию.

Победные реляции израильского руководства, однако, омрачаются несколькими обстоятельствами.

Несмотря на масштабные бомбардировки Ирана, ни одной из политических целей войны Израилю летом 2025 года достичь не удалось. Вместо смены политического режима в Тегеране произошла его консолидация, а разрушение инфраструктуры ядерной программы вовсе не оказалось фатальным. Более того, уже к концу года выяснилось, что Тегеран восстанавливает свои боевые возможности гораздо быстрее, чем ожидалось, а открытая радость израильтян и американцев по поводу антиправительственных выступлений позволяет иранскому руководству списывать протесты на вечный внешний фактор.

Помимо этого, война с предельной ясностью обнажила, казалось бы, и без того очевидный факт, что в условиях вооружённого конфликта время работает на Иран. Отсутствие стратегической глубины, высокая чувствительность к человеческим жертвам и сложная общественно-политическая ситуация внутри Израиля делают его, в сущности, неготовым к затяжным конфликтам с крупными противниками. Ставшая уже едва ли не легендарной оборонительная инфраструктура Израиля не смогла обеспечить ему полной защиты, что привело к жертвам среди мирного населения, в том числе в Тель-Авиве.

Наконец, война продемонстрировала неготовность Израиля к самостоятельному завершению конфликта. Нейтралитет арабских государств, стойкость иранского политического режима и фактор времени вынудили США вмешаться, что продемонстрировало критическую степень зависимости Израиля от американских союзников.

Зависимость становится особенно острой ввиду нарастающей критики Израиля со стороны его традиционных европейских союзников. Само обстоятельство, что вслед за войной в Газе с огромным числом жертв среди мирного населения Израиль выступил инициатором новой военной кампании, серьёзно подтачивает его имидж страны-жертвы, особенно среди молодого поколения европейцев.

В совокупности все эти обстоятельства указывают на необходимость пересмотра израильской внешнеполитической стратегии и обозначают серьёзные вызовы, с которыми страна столкнётся в будущем.

Дядя Сэм

Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятишки играют вечером в огромном поле, во ржи... А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И моё дело – ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть.

Джером Дэвид Сэлинджер (1919–2010)

США, по словам Дональда Трампа, продемонстрировали высочайший уровень боеспособности, мужества и ответственности перед своими региональными партнёрами. Их вовлечённость в дела Ближнего Востока стала ярким свидетельством того, что, несмотря на многочисленные спекуляции об уходе из региона, Белый дом был и остаётся ключевым актором. Тем не менее, как и в случае с двумя другими игроками, многое пока неясно.

Американское вмешательство не привело к установлению устойчивого мира. Многочисленные слухи о готовящейся новой атаке США и Израиля на Иран и отсутствие устойчивых договорённостей указывают на промежуточность текущего положения. Это в целом ставит под сомнение перспективность так называемой дипломатии сделок.

Наметилось существенное противоречие между последовательным стремлением Соединённых Штатов защищать своих израильских, а также (в меньшей степени) арабских союзников и декларируемым стремлением сокращать американское присутствие на Ближнем Востоке.

Удары Ирана и Израиля по территории Катара продемонстрировали ненадёжность стратегии «аутсорсинга безопасности», которой на протяжении десятилетий следовали арабские монархии Залива. В этом плане не так принципиально, с техническими или политическими причинами связана эта ненадёжность. И то, и другое, вероятно, будет подталкивать страны ССАГПЗ к ещё более активному укреплению военно-технологических и военно-политических связей с альтернативными игроками, с одной стороны, и к укреплению региональных институтов безопасности, с другой. По всей видимости, это станет некоторым вызовом для США.

Сирия: устоит ли дом, разделившийся в себе?

Пусть старые корни засохли, листья развеялись, но дерево должно стоять.

Ханна Мина (1924–2018).

Год назад в ближневосточном докладе клуба «Валдай»² мы попытались суммировать вызовы, с которыми сталкивается новое сирийское руководство. Они делились на четыре большие группы: институциональные, административно-территориальные, идеологические и внешнеполитические. Иначе говоря, эти вызовы требовали укрепления системы госуправления, формирования новых отношений между центром и периферией с учётом интересов локальных элит, победы в рядах новых властей государственников над романтиками исламизма и повышения международной легитимности режима.

Прошёл год.

И хотя за это время в стране и вокруг случилось немало событий, принципиального изменения ситуации пока не произошло: правящий в Дамаске политический режим лишь частично контролирует территорию государства, а его устойчивость вызывает немало сомнений.

Отказ от проведения прямых парламентских выборов, практика назначения на высшие государственные должности лояльных политическому лидеру лиц (зачастую членов семьи)³, появление связанных личными узами теневых руководителей в государственных ведомствах, отсутствие внятной программы развития государства, упорный курс на максимальную административно-территориальную централизацию и всё прочее свидетельствуют о том, что новый сирийский режим идёт по стопам прежнего. Это, в свою очередь, может объясняться двояко. С одной стороны, действует так называемая институциональная колея, подталкивающая к восстановлению уже

² Наумкин В., Кузнецов В. Сирия и развилки ближневосточной неопределённости // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 04.02.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/siriya-i-razvilki-neopredelyennosti/>

³ Мамедов Р. Туман войны: новая элита Сирии в условиях снятия санкций // РСМД. 26.12.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tuman-voyny-novaya-elita-sirii-v-usloviyakh-snyatiya-sanktsiy/>

известных практик управления в новых условиях. С другой стороны, на политику влияет высокая степень секьюритизации мышления новых элит (впрочем, старые от неё тоже страдали), что заставляет их делать ставку исключительно на пользующихся личным доверием сторонников, отказываясь от любых форм расширения политического участия.

Принципиальных отличий от прежних времён два.

Во-первых, нынешнее руководство не имеет возможности опираться на партийный аппарат, в значительной степени позволявший консолидировать политическое пространство во времена Асадов. Замены баасистским структурам в стране нет.

Во-вторых, как конфессионалистская идентичность новых властей, их принадлежность к вполне определённой региональной политической традиции, так и объективная динамика этноконфессиональных противостояний (*ат-та'уфийа*), обострившихся в последний год, подталкивают различные группы, в том числе друзов и алавитов, к более выраженной, нежели ранее, политической институционализации.

В обстоятельствах внутривосточной слабости и неопределённости будущего естественным решением для Дамаска становится укрепление режима – прежде всего за счёт внешней поддержки. Многочисленные зарубежные визиты Ахмеда аш-Шараа, его декларативная готовность проводить многовекторную внешнюю политику, выстраивая отношения со всеми заинтересованными странами, за исключением разве что Ирана, выдвижение им позаимствованной из турецкого вокабуляра формулы «ноль проблем с соседями» (не очень удачной, учитывая турецкий опыт её реализации) свидетельствуют об этой стратегии весьма отчётливо.

Результаты неоднозначны.

К дипломатическим победам можно отнести встречу с Дональдом Трампом в Саудовской Аравии, во время которой президент США объявил о снятии с Сирии санкций, и затем визит сирийского главы в Вашингтон, установление позитивных рабочих отношений с Москвой, что может быть использовано Дамаском для укрепления национальной безопасности, некоторое снижение активности Израиля, сохранение политической поддержки Анкары и Дохи, а также высокую заинтересованность в Сирии со стороны Эр-Рияда и Абу-Даби.

Но во всех этих случаях ситуация остаётся подвижной, а консенсуса относительно будущего Сирии между региональными державами, кажется, нет.

Для Турции, больше всех инвестировавшей в приход нынешних правителей, ключевой проблемой остаются курды, а улучшение экономической ситуации в Сирии и политическое укрепление Дамаска напрямую увязываются с национальными интересами Анкары. В сущности, это означает, что идеальной моделью «новой» Сирии была бы Сирия «старая», только без Баас, Асадов и с умеренным исламистским правительством, выстраивающим дружеские отношения с Анкарой, Дохой и способным оказывать постоянное давление на Израиль. Ну, и конечно, с решённой курдской проблемой.

Для Израиля, естественно, ситуация видится прямо противоположным образом. Единая исламистская Сирия, пользующаяся поддержкой Катара и Турции – прямая угроза. Отсюда – курс на поддержку любых сепаратистских и автономистских движений в стране, отсюда же – стремление расширить «буферную» зону вдоль границ, потихоньку устанавливая контроль над всё новыми территориями. Последнее, кроме того, вполне соответствует религиозно-идеологическим устремлениям израильских ультраправых.

По крайней мере, частично с израильскими интересами совпадают и интересы Объединённых Арабских Эмиратов, конкурирующих за региональное лидерство с Катаром и традиционно категорически выступающих против всех исламистских сил. То обстоятельство, что именно на территории Эмиратов нашли убежище многие представители асадовской элиты, также указывает на вероятное более активное вовлечение Абу-Даби в сирийские дела.

Не вполне понятна позиция Эр-Рияда. Ранее находившийся в жёстком противоборстве с Дохой, он в последнее время нормализовал с ней отношения. Зато усилилась конкуренция с Абу-Даби. Посредническая миссия саудовцев в отношениях Дамаска с Вашингтоном в целом намекает на позитивное восприятие в Королевстве новых сирийских властей.

Таким образом, диаметрально противоположные интересы Турции и Израиля в Сирии в перспективе способны сделать эту линию противостояния в регионе не менее значимой, чем ирано-израильская, приведя к формированию двух ситуативных альянсов: одного – с участием Турции и Катара, другого – с участием Израиля и в меньшей степени ОАЭ, движение в сторону которых началось уже давно на других региональных пространствах.

В этих обстоятельствах возрастает роль внерегиональных акторов, в первую очередь Соединённых Штатов и России.

В логике администрации Дональда Трампа США в целом не слишком заинтересованы в реализации той или иной стратегии в Сирии и готовы скорее действовать в интересах основных региональных союзников, зарабатывая капитал на краткосрочных сделках. То обстоятельство, что союзники Вашингтона входят в обе складывающиеся коалиции, вероятно, может рассматриваться сегодня в Белом доме как возможность, а не как проблема.

Что же касается России, то она в этом многостороннем противостоянии оказывается востребована в качестве возможного посредника, присутствие которого позволит ограничить возможную эскалацию.

Есть три фактора, которые, по всей видимости, окажут ключевое воздействие на дальнейший ход событий в Сирии и вокруг неё.

Прежде всего, это собственно внутривнутриполитический процесс в стране. Сумеет ли нынешнее руководство сохранить власть, какой идеологической ориентации оно будет придерживаться, как выстраивать отношения с союзниками, попутчиками и противниками, а также альтернативными центрами силы – всё это в конечном счёте зависит гораздо больше от внутренних, в том числе и от личных факторов, чем от внешних.

Важную роль сыграет здесь способность Дамаска добиться прогресса в отношениях с курдами. В январе 2026 года здесь произошли серьёзные сдвиги. Перемирие в Алеппо; расширение контролируемых Дамаском территорий, в том числе плотины ат-Табка, нефтяного месторождения Эль-Омар, газового Коноко; переход на сторону правительства племён Ракки и Дейр-эз-Зор и прочее; наконец, официальное признание прав курдов и курдского языка – всё это делает урегулирование курдской проблемы весьма вероятным.

На региональном уровне будущее складывающихся протоальянсов зависит от отношений между их участниками не на сирийском, а на других треках. В конце концов степень заинтересованности в сирийских делах и непосредственные интересы в Сирии у всех участников разные, формальными обязательствами отношения не скреплены, следовательно, конфигурация игроков вполне может измениться. По крайней мере, это относится к монархиям Залива.

«Внесценическим» персонажем пока остаётся Иран, который, хотя и сократил своё присутствие в Леванте, сохраняет там и базу поддержки, и ресурсы для восстановления позиций.

Газа: иллюзия будущего

На этой земле есть то, ради чего стоит жить:
Есть на этой земле Владычица Земли,
Мать Начал, Мать Концов. Её звали Палестина.
Её до сих пор зовут Палестина.

Махмуд Дервиш (1941–2008)

Ещё одним узлом противоречий, во многом определяющим будущее региона, остаётся сектор Газа и Палестина в целом.

13 октября 2025 года на состоявшемся в Шарм-эш-Шейхе так называемом «саммите мира» принят план по окончанию войны в Газе, продолжавшейся к тому моменту уже два года. Несмотря на торжественность момента и многоречивые славословия в адрес авторов плана, и содержание документа, и сам факт его принятия оставили двойственное впечатление.

Одно то, что для окончания войны в Газе понадобилось вмешательство США (как и в случае с Двенадцатидневной войной), указывает на структурную проблему во внешней политике Израиля. Дело не только в том, что войну легче начать, чем закончить. Для реализации израильской стратегии «мир через силу» ресурсов на мир, очевидно, не хватает. Установление одностороннего мира возможно только при условии абсолютного поражения противника или его полного уничтожения. Если же сил нет ни на то, ни на другое (а их, как можно видеть, нет), неизбежными становятся компромиссы, наличие которых в формуле «мира через силу» не предусмотрено.

В этих обстоятельствах в израильском истеблишменте просматриваются две основные дальнейшие стратегии.

Одна из них, которой, судя по всему, придерживается Нетаньяху, предполагает поддержание постоянной мобилизации израильского общества и готовность к перманентному силовому решению основных

региональных вопросов на длительную перспективу. Естественно, это требует уверенности в постоянной американской готовности поддерживать израильского союзника.

Основная проблема такой стратегии – время, которое будет работать против Нетаньяху, по крайней мере в трёх аспектах: американском (в Вашингтоне произраильский консенсус постепенно ослабевает, а необходимость постоянного вовлечения в военные операции на Ближнем Востоке только ускорит эрозию), региональном (любая военная эскалация – двустороннее движение, и региональные противники Израиля будут учиться противостоять ему) и социально-политическом (всякое общество устаёт от необходимости постоянной военной мобилизации).

Другой стратегии придерживаются более радикальные фракции в израильском правительстве, прежде всего те, что группируются вокруг Бен-Гвира и Смотрича. Для них, насколько можно судить, достигнутое перемирие – шаг к последующему полному установлению израильского контроля над Газой с перспективой замены там палестинского населения на еврейское. Даже если не брать в расчёт моральные или международно-правовые аспекты подобного подхода, он таит угрозу дальнейших волн массового насилия не только в Газе или на Западном Берегу, но и в самом Израиле, не говоря уже о вполне прогнозируемом росте антисемитизма по всему миру.

Отсутствие единой позиции по будущему внешней политики пока не мешает Израилю действовать с завидной самоуверенностью. После объявления сделки, позволившей не только добиться возвращения заложников, но и переключить внимание мировой общественности с ситуации в Газе на другие сюжеты, ускорилась фактическая аннексия Западного Берега, а военное присутствие Израиля в Газе увеличилось. В первом случае речь идёт о «легализации» (конечно, внутри Израиля) новых поселений и расширении старых, в том числе в коридоре E1, фактически отрывающем Восточный Иерусалим от Западного Берега. Во втором – о строительстве новых военных форпостов и постепенном смещении так называемой «жёлтой линии» под прикрытием прекращения огня.

Между тем, если саммит в Шарм-эш-Шейхе и принятую СБ ООН резолюцию 2803 рассматривать не просто как заключительный акт двухлетней драмы, своеобразную *exit strategy* Нетаньяху, а как попытку выработать стратегию дальнейшего урегулирования, многие послы становятся совершенно непонятными.

Например, Совет мира, возглавить который должен лично Дональд Трамп. Его структура, предполагающая, помимо самого Совета, создание Исполнительного совета и Исполнительного совета по Газе, кажется изначально усложнённой, а принцип формирования каждого из этих элементов – неопределённым. Обоснованность создания подобной структуры внешнего управления формально не колонизированной и даже не спорной территории вызывает серьёзные сомнения и может рассматриваться как очередной удар по и без того уже едва дышащим институтам международного права. В чисто политическом плане хуже то, что совершенно неизвестен не только мандат этого Совета, но и реальные механизмы его реализации. Откуда берётся и как формируется упоминаемый в резолюции 2803 «технократический и стоящий вне политики палестинский комитет»⁴, ответственный за функционирование государственных служб в Газе, как должны выстраиваться его отношения с Советом мира, который предполагает контролировать его деятельность, как соотносится этот комитет и структуры Палестинской национальной администрации – вопросы совершенно не праздные. В наиболее негативном для палестинцев сценарии речь пойдёт просто об органе власти, фактически контролируемом их противниками, само существование и международное признание которого даст израильтянам карт-бланш на любые действия в Газе. Итогом может стать как дальнейшее вытеснение палестинцев из Газы, так и формирование новых структур радикального сопротивления.

Не меньше вопросов вызывают и Международные силы по стабилизации (МСС), создание которых предусмотрено резолюцией 2803. Понятно, что упомянутая в «двадцати пунктах» Трампа перспектива передачи им контроля над Газой со стороны ЦАХАЛ не очень интересна Израилю, который, вероятно, будет способствовать затягиванию процесса. Однако, как и в случае с административными структурами под контролем Совета мира, до сих пор неизвестны конкретные параметры и механизмы создания и функционирования МСС. В этом плане состоявшаяся 16 декабря 2025 года встреча государств – кандидатов в участники этих сил мало что прояснила. Более того, если МСС будут сформированы, а палестинцы в рамках деятельности Совета мира и подконтрольных ему органов не получат политической субъектности (дело к этому и идёт), само

⁴Резолюция 2803 (2025), принятая Советом Безопасности на его 10046-м заседании 17 ноября 2025 года // ООН. 17.11.2025. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/2803\(2025\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/2803(2025))

участие в МСС для согласившихся на это государств может рассматриваться как участие в органах колониального контроля.

Отказ от стратегии в пользу тактики, как отмечает дипломат Виктор Смирнов⁵, был характерной чертой всего переговорного процесса предыдущих тридцати лет. Сами участники конфликта и международные посредники демонстрировали готовность бесконечно обсуждать (хотя и безуспешно) множество второстепенных вопросов, создавая всё новые институции. Результатом становилась видимость бесконечной деятельности по урегулированию без самого урегулирования и даже каких бы то ни было попыток подступить к ключевым проблемам. Впрочем, нельзя не признать и иного – при всей неэффективности Осло-Вашингтонского процесса, он позволил на протяжении более чем четверти века не допускать масштабной эскалации конфликта.

План Трампа представлялся его сторонниками в информационном пространстве как блестящая сделка, заключением которых так славится американский президент. Дипломатия сделок противопоставляется классической дипломатии институтов, деятельность которых неизбежно страдает от бюрократии, более заинтересованной в бесконечном развитии процесса, нежели в достижении результатов. Но и в случае реализации плана Трампа никакой сделки не будет. Напротив, речь пойдёт о появлении новых институтов урегулирования палестино-израильского конфликта, которые будут столь же далеки от окончательного решения проблемы, сколь и предыдущие.

Таким образом, решение Дональда Трампа разрубить гордиев узел международной бюрократии может обернуться появлением такого же узла, только завязанного по новым правилам, в новой обстановке и без участия самих палестинцев.

Последнее обстоятельство, разумеется, ключевое для любого мирного процесса. Необходимость объединения палестинских политических сил, их укрепления и повышения доверия к ним со стороны общества, создания эффективных механизмов взаимодействия не только с международным

⁵ Смирнов В. 2025 год подошёл к концу: с чем Ближний Восток вступает во вторую четверть XXI века? // РСМД. 25.12.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/2025-god-podoshel-k-kontsu-s-chem-blizhniy-vostok-vstupayet-vo-vtoruyu-chetvert-xxi-veka/>

сообществом, но и с собственным населением, остаётся на повестке дня, однако реальных перспектив не просматривается.

Со времён алжирских, московских и пекинских встреч палестинских политических организаций прошло около двух лет, но за это время мало что изменилось. Важное решение о признании Организации освобождения Палестины единственной организацией, имеющей право представлять палестинцев, осталось декларативным. Даже открытые пострелизы тех встреч демонстрировали постепенное усиление в палестинском лагере позиций наиболее радикальных групп – ХАМАС и «Исламского джихада», в соответствии с видением которых в документах не упоминались ни границы 1967 года, ни Восточный Иерусалим. Однако с тех пор обе организации понесли немалый урон, в то время как ФАТХ не смогла воспользоваться ситуацией и усилить позиции на земле. Возможно, планируемая на май 2026 года восьмая конференция ФАТХ, на которой должен быть избран новый Центральный комитет, позволит движению как-то укрепить свои позиции.

Учитывая, что и израильская, и американская внешнеполитические линии не способствуют укреплению политической субъектности палестинцев, возможности достижения единства остаются не вполне ясными.

Как и в случае с двумя другими рассмотренными проблемными узлами, ключевую роль в вопросе о перспективах палестинского урегулирования могут играть как Иордания и Египет, так и монархии Залива. Только они обладают достаточными ресурсами, чтобы оказывать палестинцам и экономическую помощь, и политическую поддержку, а также достаточными дипломатическими возможностями, чтобы воздействовать и на США, и на Израиль. Наконец, они более, чем другие внешние акторы, заинтересованы в успехе урегулирования. Таким успехе, который позволил бы им спокойно выстраивать новую систему безопасности в регионе, развивая экономические связи с Израилем, не опасаясь недовольства собственного общества, по-прежнему сочувствующего палестинцам. Из всех монархий Залива наиболее чувствительной к потенциальному общественному давлению, вероятно, является Саудовская Аравия, элита которой, с одной стороны, должна иметь дело с собственным обществом и палестинцами, а с другой – с США и Израилем. Наметившееся укрепление позиций Эр-Рияда на юге Аравийского полуострова открывает ему двери для более активного вовлечения и в палестино-израильский вопрос.

Йемен: не столь счастливая Аравия

О, Отчизна моя! Голос мой твоим горем расколот.
Вновь ты кормишь сирот, им давая любви своей
солод.

Абдулла аль-Барадуни (1929–1999)

Конец 2025 года отмечен существенными изменениями в Йемене⁶. Если ситуация на севере страны, в контролируемых Санским альянсом (его основа – организация «Ансаралла» и партия «Всеобщий народный конгресс») регионах к октябрю вошла в стадию некоторого затишья, то на юге, напротив, начался новый виток конфликта.

Противоречия в рядах Арабской коалиции и Международно признанного правительства (*аш-шар'ийа*) между саудовским и эмиратским флангами обернулись настоящим расколом, легко способным привести как к окончательному разделению страны уже не только де-факто, но и де-юре, так и к трансформациям региональных отношений на других территориях.

Собственно говоря, отсутствие единства в рядах *аш-шар'ийи* никогда не было секретом. Ещё в 2016 году Объединённые Арабские Эмираты, рассматривавшие опорную для Саудовской Аравии и близкую к «Братьям-мусульманам» (запрещены в РФ) партию «аль-Ислах» как неприемлемого для себя партнёра, сделали ставку на поддержку южнотийменских политических сил. С 2017 года основной среди них стал Южный переходный совет (ЮПС). В публичном поле и Абу-Даби, и Эр-Рияд всегда подчёркивали общность решаемых в Йемене задач и настаивали на единстве *аш-шар'ийи*; усугубляющееся расхождение между двумя основными фракциями ни для кого секретом не было. Если Эр-Риядское соглашение 2019 года предполагало лишь миноритарное участие представителей ЮПС во власти, то в сформированном в 2022 году Руководящем президентском совете места между просаудовскими и проэмиратскими силами уже были разделены пополам, а принятие в 2023 году так называемой «Хартии Юга», закрепившей курс

⁶ Приятный долг авторов – поблагодарить за предоставленные при написании этого раздела материалы и консультации С.Н. Сереброва.

на независимость южного Йемена в границах НДРЙ⁷, обозначило расхождение целей двух частей *аш-шар'ийи* и на документальном уровне. Ключевым активом просаудовских сил в этих условиях оказывался контроль над Первым военным округом, охватывающим внутренний Хадрамаут и Махру.

В начале декабря в результате марш-броска южан основные опорные пункты «аль-Ислах» на этих территориях перешли под контроль ЮПС, который сумел добиться военного доминирования на всей территории бывшей НДРЙ. 16 декабря 2025 года аденская газета «Аль-Айам» вышла с передовицей «Вторая Южная республика начинается в Хадрамауте»⁸.

Эти события открывали дорогу для реализации самых разных сценариев.

Сторонники ЮПС и союзных ему сил грезили форсированной сецессией Южного Йемена. Подобное развитие событий означало бы не только пересмотр сформировавшихся в регионе границ (прецедент был бы значим и для Сирии, и для Ирака, и для Ливии, и для целого ряда иных стран), но и радикальное изменение баланса сил. Признание Израилем Сомалиленда и установление лояльного ОАЭ и дружественного Израилю политического режима в Южном Йемене⁹ означало бы формирование принципиально новой ситуации в Баб-эль-Мандебском проливе.

Другой сценарий предполагал проведение новой кампании против Санского альянса объединёнными силами *аш-шар'ийи* в качестве предпосылки для последующего самоопределения Юга. Подобная перспектива означала бы, в принципе, временную заморозку южного вопроса и новую эскалацию на Севере.

⁷ Народная Демократическая Республика Йемен.

⁸ لأحزاب والمكونات والقوى السياسية في الجنوب تصدر بياناً حول التطورات السياسية والعسكرية
الجمعة، 12 ديسمبر 2025 // Al Ayyam. 12.12.2025. URL: <https://www.alayyam.info/news/AG5JP3RP-UD2BXW-6082>

⁹ Asmar A. Yemen slams STC remarks on Israel normalization // AA. 04.02.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/yemen-slams-stc-remarks-on-israel-normalization/2133775>. Кроме того, в последние годы появлялось довольно много информации о взаимодействии ОАЭ и Израиля на Сокотре. См.: <https://www.middleeasteye.net/news/uae-yemen-somalia-circle-bases-control-gulf-of-aden>

Возможным виделось и предоставление Югу широкой автономии в качестве предпосылки дальнейшей реализации федеративного проекта, что в очередной раз ставило бы на повестку дня вопрос о судьбе федерализма на Ближнем Востоке.

Любой из этих вариантов допускал перспективу дальнейшей фрагментации йеменского политического пространства.

Реальность же, как водится, превзошла любые академические фантазии. Вслед за триумфальной экспансией ЮПС вместо того, чтобы смириться с новым раскладом сил, в ночь на 30 декабря 2025 года Арабская коалиция во главе с Саудовской Аравией нанесла удар по двум судам, следовавшим из ОАЭ в Аль-Мукаллу, а глава Международно признанного правительства (МПП) Рашад аль-Алими аннулировал соглашение с ОАЭ о совместной обороне и потребовал от Абу-Даби вывести из страны все военные силы и технический персонал. Вскоре началось контрнаступление, а лидер ЮПС Айдарус аз-Зубейди, обвинённый МПП в госизмене, бежал из страны в ОАЭ.

Хотя уже 9 января ЮПС устами находившейся в Эр-Рияде делегации заявил о самороспуске, реальное будущее организации под вопросом. Буквально на следующий день в Адене прошло совместное заседание руководящих органов ЮПС – Национального собрания, Консультативного совета и Генерального секретариата. В итоговой декларации полностью отвергалось заявление о самороспуске, говорилось о продолжении работы организации и всех её структур, Саудовская Аравия обвинялась в оказании физического давления на членов делегации южан, отклонении от заявляемого ей нейтралитета и в потворствовании «Братьям-мусульманам» (запрещены в РФ). Наконец, говорилось о том, что лидером ЮПС остаётся аз-Зубейди, а конечная цель организации – как и ранее, восстановление суверенитета Южного Йемена¹⁰.

Конечно, история не закончена, и даже в краткий период времени, что пройдёт между написанием настоящего доклада и его публикацией,

//بيان صادر عن الاجتماع الاستثنائي الطارئ للجمعية الوطنية ومجلس المستشارين والأمانة العامة بالمجلس الانتقالي الجنوبي¹⁰
Stcaden. 10.01.2026. URL: <https://stcaden.com/posts/32435>

многое может измениться. Тем не менее кое-какие выводы можно сделать уже сейчас.

Прежде всего, декларация о роспуске ЮПС, как бы ни развивались дальнейшие события, не означает исчерпания южнотиморского политического проекта – идея восстановления собственной государственности остаётся популярной в южных регионах страны. Учитывая высокую милитаризованность населения, наличие огромного опыта вооружённой борьбы и создания политических организаций, формирование новых структур, отстаивающих «южный проект», представляется весьма вероятным.

Укрепление просаудовских сил на юге Йемена должно опираться на формирование лояльной им власти на местах, что требует времени, организационных и человеческих ресурсов, наличие которых не доказано. Разумеется, необходима и системная работа по реинтеграции вооружённых структур ЮПС в вооружённые силы, подконтрольные *аш-шар'ийа*. В перспективе это позволило бы МПП консолидировать силы для нового наступления на Сану, однако это гипотетический сценарий.

Кроме того, очевидная неготовность ОАЭ вступать в прямую конфронтацию с Саудовской Аравией не означает преодоления конкуренции между двумя монархиями, интересы которых сталкиваются и в других регионах. Пребывание аз-Зубейди на территории ОАЭ в совокупности с сохраняющейся поддержкой ему в Адене позволяет рассматривать сценарий и восстановления там некоторых позиций Абу-Даби.

Наконец, ещё один важный аспект йеменского расклада связан с расстановкой сил внутри *аш-шар'ийа*, где произошло выдавливание структур «аль-Ислах» из ранее подконтрольных объединению регионов Хадрамаута. Здесь также возможны сюрпризы, связанные и с перспективой дальнейшей фрагментации йеменского политического пространства, и с попытками «аль-Ислах» найти новых союзников и попытаться восстановить свои силы.

Сложившаяся ситуация, как представляется, обозначает три существенных момента, влияющих на всю систему международных отношений на Ближнем Востоке.

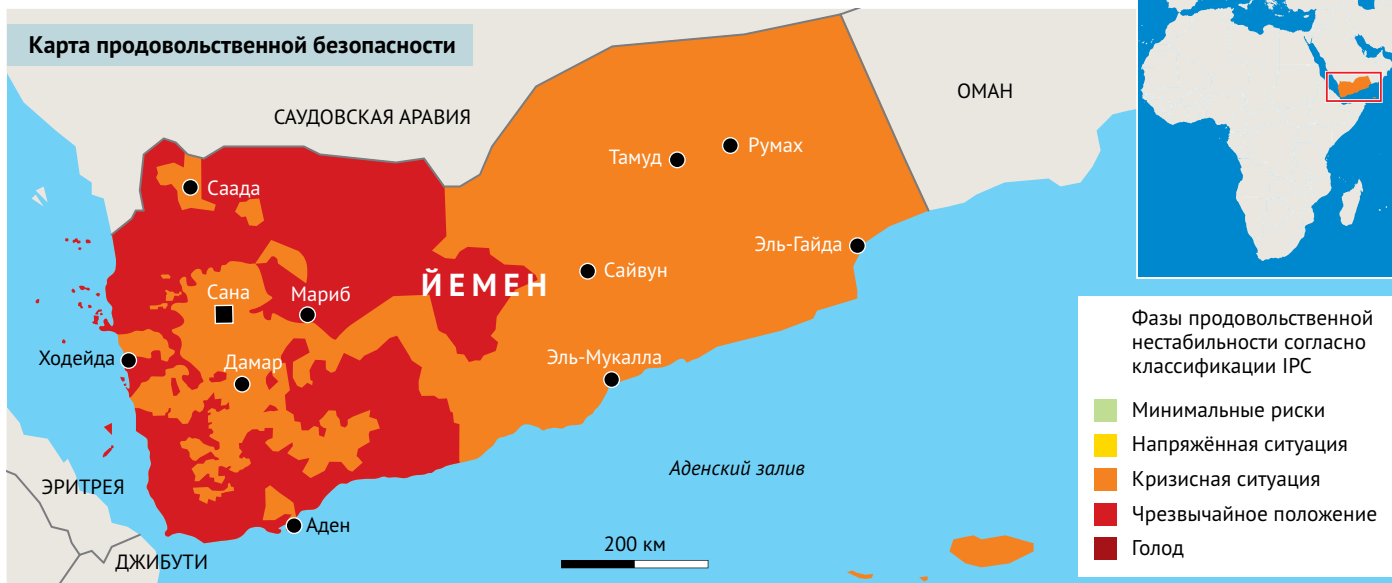
Прежде всего, она демонстрирует многогранность текущих конфликтов, ни один из которых нельзя свести к простой бинарной

оппозиции, например Сана против Адена. Многосторонний характер конфликтов и их многоуровневость предполагают множество различных оснований, которые консолидируют участвующих в них акторов, и критериев, по которым проводятся границы между сторонами. Соответственно, урегулирование конфликта ни в одном из случаев не может быть связано с простым достижением компромисса между двумя сторонами по одному из вопросов. Снижение интенсивности противостояния на одном направлении – в данном случае между Саной и МПП – не только не означает общую деэскалацию, но, напротив, может давать импульс росту конфликтности на других треках.

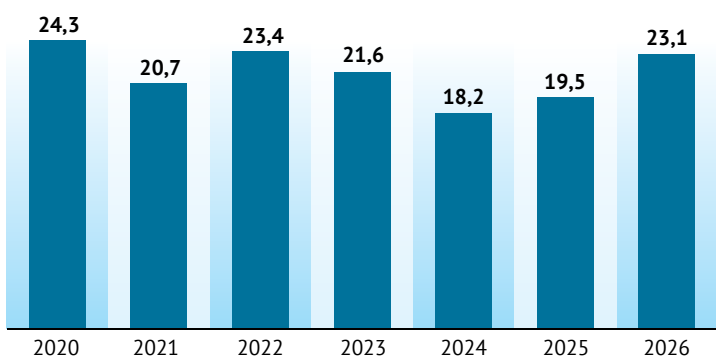
Сложившаяся в Йемене ситуация, кроме того, показывает всю неоднозначность отношений между внешними игроками и участниками конфликтов «на земле». Описание последних (хоть в Йемене, хоть где-либо ещё) просто как чьих-то прокси – вводит наблюдателей в заблуждение, искажая картину региональных процессов до полного несоответствия реальности. Локальные силы, обладающие той или иной социальной базой и ценностными установками, действуют в собственных интересах, жертвовать которыми ради внешних партнёров не могут. Это относится не только к ЮПС, который вне зависимости от устремлений ОАЭ придерживается собственной стратегии, но и ко всем другим локальным силам в регионе, в том числе и к Санскому альянсу, который будет бороться за свои интересы вне зависимости от ситуации в Иране. Такая логика легко переносится и на более высокий уровень отношений – между региональными акторами и глобальными игроками.

Принципиально важным (и это второй момент) оказывается понимание соотношения между внутренними и внешними факторами текущего раскола. Вне зависимости от того, что ЮПС и союзные ему силы, с одной стороны, «аль-Ислах», с другой, и подконтрольные Рашаду аль-Алими силы, с третьей стороны, действуют в собственных интересах, результаты их шагов приводят к ребалансировке сил между Саудовской Аравией и ОАЭ в Йемене, подталкивая к более острой конкуренции. До сих пор Эр-Рияду и Абу-Даби удавалось проявлять сдержанность, не вступая в открытую конфронтацию и публично отрицая любые предпосылки для неё. На этот раз совсем избежать столкновения не удалось, хотя получилось купировать дальнейшую эскалацию. В целом же по мере втягивания внешних игроков в локальные противостояния на разных сторонах избегать конфликтов становится всё сложнее.

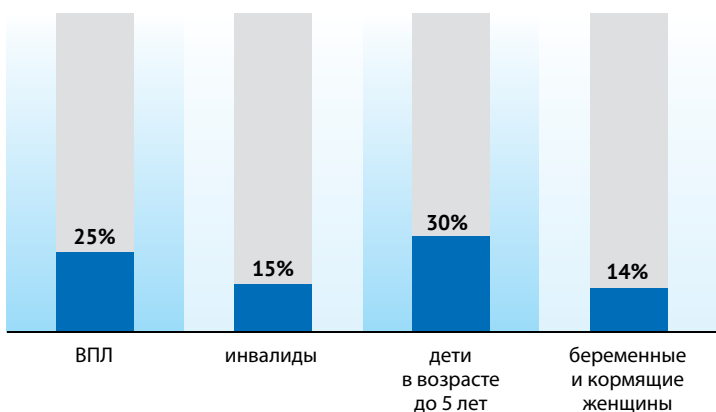
КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ В ЙЕМЕНЕ

Люди, нуждающиеся в помощи (млн человек)

Люди, нуждающиеся в помощи, по группам населения (2025 г.)

Лишь **22%** центров первичной медико-санитарной помощи и 50% районных больниц предоставляют полный пакет услуг по охране здоровья матери и новорожденного

35% оценённых медицинских учреждений функционируют лишь частично, а 5% нефункциональны

41 тыс. детей умерли до своего пятого дня рождения в 2023 году в основном из-за предотвратимых или излечимых заболеваний

4,8 млн людей стали внутренне перемещёнными лицами, что делает Йемен пятым по величине кризисом внутреннего перемещения в мире

253 380 подтверждённых случаев холеры по состоянию на декабрь 2024 года (включая 672 смерти)

17 млн человек не имеют доступа к достаточному количеству воды для удовлетворения основных повседневных потребностей

308 тыс. человек подвергаются риску выселения из-за высокой арендной платы

Источники: Integrated Food Security Phase Classification (IPC); HUMANITARIAN PROGRAMME CYCLE 2025

Наконец, третий момент связан с вновь открывшейся перспективой пересмотра сложившихся в регионе границ. Ещё с начала кризиса в Сирии в международной аналитике поднимался вопрос о «конце Сайкса – Пико». Конфликт на Украине, операция в Газе, инициативы Дональда Трампа по Гренландии, признание целым рядом государств марокканского суверенитета над Западной Сахарой, а теперь и официальное признание Израилем Сомалиленда шаг за шагом снимали табу с темы пересмотра государственных границ, устоявшихся в XX веке. В одних случаях речь идёт о приведении международных норм в соответствие с реальностью, в других – о реализации справедливых чаяний народов, а в-третьих – о запуске потенциально бесконечного процесса территориальной и политической фрагментации без каких бы то ни было надежд на формирование новых, более эффективных, нежели прежние, систем управления. Очевидно, что Южный Йемен будет оставаться одним из регионов, где запуск подобного процесса может быть наиболее вероятным.

Итого: в чём сила, брат?

Во всех рассмотренных выше конфликтных узлах события могут развиваться по самым разным сценариям. Наиболее радикальные предполагают полное переформатирование регионального политического пространства вплоть до его распада. Однако ни один из них, оставаясь хоть сколь-либо реалистичным, не допускает быстрого урегулирования конфликтов и возникновения новой устойчивой системы отношений в краткосрочной перспективе.

С точки зрения международных отношений процессы, которые мы наблюдали в 2025 году и наблюдаем теперь, демонстрируют явную преемственность с более ранними этапами регионального развития. Региональная динамика определяется всё в тех же конфликтных узлах, что и ранее, ключевые акторы – прежние, как и их внешнеполитические стратегии.

Ни в одном из случаев ребалансировка сил пока не выглядит фатальной. Это касается и Ирана, международные позиции которого за последний год ослабли больше, чем у других игроков. Утрата им союзного режима в Сирии, резкое ослабление «Хизбаллы» в Ливане или других дружественных сил в регионе не означает краха – в конце концов, у всех этих акторов сохраняется и социальная база, и опыт обретения политической субъектности, и общие элементы идентичности. Это же касается ОАЭ, снизивших влияние

в Южном Йемене и заявивших об уходе из Сомали. Абу-Даби сохраняет ресурсы для восстановления позиций, а локальные структуры, на которые Эмираты делали ставку, никуда не исчезли.

Тем не менее в рамках перемен продолжается укрепление региональной роли арабских монархий Залива, которые сегодня, с одной стороны, обладают наибольшими ресурсами для доминирования, а с другой – меньше, чем их соперники, сталкиваются с факторами внутренней уязвимости. Разумеется, по объективным показателям – географическим, военно-политическим, символическим и прочим – наиболее значимым игроком становится Саудовская Аравия. Она же больше, чем соседи, вынуждена учитывать социально-политические риски при проведении внешней политики.

При ближайшем рассмотрении ситуация в Заливе не однородна. Если полтора десятилетия назад можно было говорить о некотором единстве ССАГПЗ и даже стремлении входящих в него стран добиться высокой степени интеграции, то события в Бахрейне, а затем катарский кризис продемонстрировали переоценённость этого единства. Наметившиеся в те годы противоречия между монархиями по иранскому вопросу позволили делить их на две группы – более антииранскую (КСА, Бахрейн и ОАЭ) и менее (Катар, Кувейт и Оман). Катарский кризис закончился, а Иран и Саудовская Аравия при посредничестве Китая смогли преодолеть наиболее острые противоречия, хотя глубокое недоверие сохраняется. Курс на сближение не прервался даже в 2025 году. Всё это, впрочем, не позволило странам ССАГПЗ вернуться к той общности, о которой они грезили ранее.

Напротив, помимо сохраняющихся противоречий между Катаром и его соседями, наблюдается и всё более активное размежевание между Эр-Риядом и Абу-Даби. По всей видимости, внешнеполитическое размежевание арабских монархий связано с их укрепляющейся политической идентичностью и активным процессом нациестроительства в каждом из государств. Три с половиной десятилетия назад вторжение Ирака в Кувейт дало импульс кувейтскому национализму, и сегодня можно видеть, что по ряду вопросов эмират занимает особую позицию, предопределённую травматическим опытом 1990–1991 годов. Катарский кризис послужил толчком к усилению катарской национальной идентичности. Перспективные планы развития в Саудовской Аравии («Видение-2030») и Объединённых Арабских Эмиратах (до 2071 года) также демонстрируют стремления этих государств к реализации национальных проектов, которые понимаются совершенно по-разному.

Постепенное размежевание монархий Залива и некоторая конкуренция между ними на региональном уровне сочетаются с более чёткой, чем прежде, тенденцией к формированию нескольких региональных осей, интересы которых проявляются во всех рассматриваемых конфликтах.

Одна из этих осей – турецко-катарская – заявляла о себе ещё лет десять назад; другая – саудовско-египетская, хотя и проявлялась в последние годы не столь активно, но существует довольно давно. Третья ось – эмиратско-израильская – только намечается, её оформлению препятствует довольно много факторов, прежде всего – политика Израиля, способная сделать его токсичным для потенциальных союзников. Каждая из этих осей, с одной стороны, завязана на одно из государств ССАГПЗ, а с другой – на одну из крупнейших стран, окаймляющих Ближневосточный регион. Каждая строится на ресурсном взаимодополнении государств-участников. Каждая находит некое идеологическое наполнение. Ни одна не получает институционального оформления.

Помимо этих трёх осей, вероятно, стоит учитывать в региональных раскладах и иранскую ось – ослабленную, но не исчезнувшую.

Взаимодействие между четырьмя осями в рассмотренных выше конфликтах в основном и определит, по всей видимости, будущее региона. Впрочем, отдельным фактором останется курдский. Интегрированный в сирийский конфликт и внутривосточные расклады в Турции, Ираке и в Иране, он способен превратиться в самостоятельный региональный фактор.

Роль внерегиональных акторов, как представляется, для ближневосточной системы отношений второстепенна, несмотря на медийные успехи Соединённых Штатов. Не обладая ресурсами для планомерной инжиниринговой стратегии в регионе, внешние игроки, включая США, Россию или Китай, могут катализировать те или иные процессы, но не менять их сущность. В то же время знаменательным представляется расширение состава этих внерегиональных акторов. Заключение оборонных соглашений между Саудовской Аравией (а в перспективе и Турцией) и Пакистаном, с одной стороны, и между ОАЭ и Индией, с другой, свидетельствует и о продолжающемся эскалационном движении в отношениях между «братскими» монархиями, и о потенциально серьёзном сближении ближневосточной и южноазиатской подсистем.

Впрочем, происходящие изменения определяются не столько международными факторами, сколько внутри- или даже социально-политическими в любой из стран региона и в каждом из рассматриваемых конфликтов. Внутреннее полностью доминирует над внешним.

Региональная роль Ирана зависит в первую очередь не от военной или технологической мощи, а от эффективности политической системы, её устойчивости к внешним и внутренним вызовам.

Региональная роль Израиля определяется спецификой израильского общества, в котором не находится запроса на левую политическую повестку, а реальный выбор колеблется между радикализмом Нетаньяху и ультра-радикализмом Смотрича или Бен-Гвира.

Монархии Залива играют определяющую региональную роль. И она связана не с их способностью применять военную силу и не с особенными амбициями лидеров. Объективные процессы нациестроительства, происходящие в регионе, продемонстрировали устойчивость социально-политических систем этих государств. А малые державы, испытывающие страхи перед крупными, воспринимают соседей среднего калибра как более надёжных партнёров.

В этом плане ответить на известный вопрос из ставшего культовым в России фильма «Брат-2» (2000) легко: сила, брат, в устойчивости режимов и их адекватности запросам собственных обществ.

- Valdai_Club
 - valdaiclub
 - valdaiclub
 - valdaiclubcom
 - Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
- admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ